

О.Н.Яницкий

ДИНАМИКА ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

В современных СМИ, равно как и в массовом сознании, сформировался устойчивый стереотип – «зеленые». Между тем, внутри российского экологического сообщества, научного и общественно-го, за столетний период его существования сложились серьезные ценностные размежевания. С середины 1980-х гг., с началом реформ эти размежевания продолжали углубляться. В течение последующего десятилетия в экологическом движении России сформировалось семь различно ценностно-ориентированных групп: консервационисты, альтернативисты, традиционалисты, гражданские инициативы, экополитики, экопатриоты и экотехнократы (Yanitsky, 1993; Яницкий, 1996; см. также: Фомичев, 1997).

В данной статье в широком контексте перемен в российском обществе рассматриваются изменения в системах ценностей каждой из этих групп, произошедших за десятилетие 1992–2001 годов. При этом значительное внимание уделяется факторам, обусловившим динамику ценностей, таким как трансформации локального и национального контекстов, а также изменению отношения каждой из данных групп к государству, рыночной экономике, науке и местному населению.

Теоретические основания и метод

Прежде всего автор исходил из принципа взаимопроникновения природного и социального (Век, 1992). Это означает, что речь идет не об отношении человека к «природе», а о средовых, инвайронментальных ценностях и установках человека и групп. Хотя в литературе существуют классовые версии структуры экологических потребностей и действий (Dickens, 1992), статья исходит из того, что рассматриваемые ценности и их группы-носители в значительной мере транс-социальны, в частности потому, что детерминируются как общими факторами (модернизацией и урбанизацией, глобальным загрязнением среды обитания), так и местными условиями, локальной ситуацией. В этом смысле плодотворным оказалось понятие «отчужденного» или даже враждебного контекста (Gamson, 1990, 1992; Klandermans, 1992; Kriesi, 1993). Далее, опираясь на работы социальных экологов и культурологов (Dunlap, 1980; Douglas and Wildavsky, 1982; Dunlap and Mertig, 1992), автор полагал, что дифференциация экологических ценностей в значительной мере детерминирована также различиями культуры и прошлого опыта активи-

стов экологического движения. Наконец, опираясь на собственные исследования, автор пришел к выводу, что различие экологических групп и их ценностных ориентаций детерминировано их специфической «порождающей средой», социальной и культурной (Яницкий, 1996). Такими институционализированными средами в рассматриваемый период оказались университеты, научные институты, общественные комитеты, творческие союзы и пресса, а находящимися вне их – народные фронты, дискуссионные политические клубы, комитеты самоуправления и общественного спасения, то есть движения и организации формирующегося гражданского общества.

Данная статья основана на эмпирических исследованиях, проведенных под руководством автора в 1991–2002 гг. В 1991–1994 гг., в рамках француско-российского проекта «Экологическое движение в России» в Нижнем Новгороде методом социологической интервенции (Touraine at al., 1983) было проведено три серии глубоких интервью с экоактивистами, представителями областной администрации, политиками и активистами гражданских инициатив. В 1995 г. тот же метод в сочетании с методом фокус-групп был использован в проекте «Экологическое движение и экологическая политика в России». В 1996 г. в рамках исследования «Экологическая модернизация в России» было собрано 60 глубоких интервью с ведущими учеными, политиками и общественными деятелями Москвы и Санкт-Петербурга. В 1997–98 гг. в ходе российско-швейцарского исследования «Региональная экологическая политика в России» методом case-study были изучены семь социально-экологических конфликтов в центральных и северных регионах России (Москва, Нижний Новгород, Самара, Владимир и республика Карелия). В ходе проекта было проведено 65 глубоких интервью с представителями федеральной и региональных администраций, членами региональных законодательных собраний, учеными из университетов и исследовательских институтов, лидерами центральных и региональных экологических неправительственных организаций (экоНПО). В сентябре–октябре 1998 г., сразу после российского дефолта автор провел телефонный опрос, исследовавший реакцию 100 экспертов, включая лидеров экоНПО, активистов гражданских инициатив, общественных деятелей из России, Украины, Эстонии, Великобритании и Израиля на происходившие тогда события. Наконец, в ходе проекта «Политика российских зеленых: отвечая на вызовы общества риска», поддержанного фондом МакАртуров, были проведены 50 глубоких интервью с лидерами центральных и региональных экоНПО, эти данные были дополнены анализом программ и манифестов экоНПО, а также зеленой прессы.

нян, Честин, Шварц, 2003). Поэтому ниже речь пойдет только о собственно экологическом движении как движении социальном.

Российское экологическое движение в его современном понимании возникло в начале 1960-х гг., то есть задолго до начала текущих реформ. Оно началось с движения студенческих дружин охраны природы (ДОП), которые, как правило, базировались на биологических, почвенных и географических факультетах советских университетов. Эти факультеты правомерно назвать порождающей средой данных ячеек движения. Таким образом, это было преимущественно студенческое профессиональное движение в защиту природы.

К 1970-м гг. по всему СССР было около 35 ДОП. Самая крупная из них, ДОП биологического факультета Московского государственного университета, начала координировать деятельность провинциальных ДОП, помогая в создании новых дружин, организуя обучающие семинары и распространяя информацию об их деятельности. Начиная с 1972 г., Молодежный совет по охране природы МГУ начал координировать деятельность всех ДОП по всей стране. В течение последующих 15 лет лидеры движения разработали несколько междружинных программ, таких как «Флора», «Фауна», «Заказники», «Рекреация» и «Выстрел» (программа, направленная на борьбу с браконьерством).

За пять лет до начала перестройки картина начала стремительно изменяться. Стали возникать многочисленные экологические инициативы за пределами ДОП. Самым удивительным было то, что некоторые центральные коммунистические газеты, молодежные журналы и даже центральный аппарат комсомола становились очагами деятельности гражданских инициатив. Многие официальные общественные организации, такие как Советский комитет защиты мира или Советский фонд мира становились инициаторами проэкологических групп и экспедиций. Экологические группы, комиссии и секции возникали внутри союзов художников, архитекторов, кинематографистов и других творческих ассоциаций. Другим видом среды, порождающей экологические инициативы, были многочисленные общественные организации по месту жительства. Выдающиеся писатели и лидеры общественного мнения, такие как Василий Белов, Валентин Распутин, Алексей Яблоков и Сергей Залыгин, инициировали массовые кампании протеста в защиту озера Байкал и Аральского моря, а также против проекта поворота северных рек (см., напр., Залыгин, 1987). Другими словами, хотя структура политических возможностей гражданских инициатив формально не изменилась, экологическое движение стало расширяться прежде всего потому, что коммунистическая доктрина заметно теряла свою силу. Перед лицом этих процессов движение ДОП начало диверсифицироваться и было вынуждено стать более социально ориентированным.

Период 1987–1991 гг. характеризовался радикализацией и политизацией зеленого движения. Экологический протест стал первым

видом массового политического протеста, направленного против официальных властных структур и их методов осуществления экологической политики. Массовые кампании протеста, митинги, блокады и другие формы прямого действия были направлены против государственных планов строительства новых атомных электростанций, а также гидроэлектростанций в Сибири и проекта поворота северных рек. Кроме того, в этот период появились городские, региональные и республиканские народные фронты в защиту перестройки, в каждом из которых была своя экологическая комиссия или группа. Еще одной формой политизации явилось создание комитетов общественного спасения рек (Волги и Невы, а также множества малых рек в российской глубинке) и общественных комитетов самоуправления в городских районах по всей стране. В рассматриваемый период также возникало большое число мелких зеленых партий и анархо-синдикалистских групп.

Пик политизации движения пришелся на 1989–91 гг. – время избирательных кампаний в национальные и республиканские Советы бывшего Советского Союза. Советская политическая система становилась все более чувствительной к требованиям экологических групп. Иногда протестным группам удавалось добиться от государственной системы «полного отклика», то есть отказа от того или иного проекта. В этот период экологическое движение значительно расширилось и диверсифицировалось; сформировались упомянутые семь его групп, с различными ценностными ориентациями.

Характеристика групп

Консервационисты – биологи, географы, почвоведы – составляли в начале 1990-х гг. ядро российских зеленых. Исходной точкой их идеологии являлся биосциентизм («Природа знает лучше») и идея о неизбежности экологической катастрофы. Ключевыми ценностями идеологии консервационистов было создание мирового братства зеленых («Земля людей») и создание общества скромных материальных потребностей (Забелин, 1994). Осенью 1988 г. лидеры консервационистов и «патриархи» Движения ДОП основали Социально-Экологический Союз (СоЭС), который до сих пор является крупнейшей зонтичной экологической организацией. Самым громким успехом СоЭС была организация массовых митингов в феврале 1989 г. против проекта поворота северных рек, которые собрали около миллиона человек в ста городах СССР. СоЭСу удалось также собрать более 100 тыс. подписей против строительства канала Волга–Чограй, который был частью данного проекта. В конечном итоге проект был отменен. После распада СССР СоЭС был преобразован в Международный Социально-Экологический Союз (МСоЭС).

Альтернативисты были наиболее идеологически ориентированной группой движения. Ее основателями и лидерами были профессиональные идеологи эконоанархизма, в основном из гуманитар-

ной среды. В рассматриваемый период большинство альтернативистов одновременно являлись членами зеленых партий и анархо-синдикалистского движения. Это была единственная группа российского экологического движения, которая сочетала радикальную политическую деятельность (блокады, демонстрации, пикеты) с постоянной идеологической рефлексией (Фомичев, 1996). Альтернативисты были принципиальными противниками государства как политического института. По их мнению, экологический «поворот» России может произойти только при осуществлении альтернативного проекта всего общественного устройства, основными идеями которого являются децентрализация власти и экономической активности, самообеспечение и самоорганизация.

Традиционалисты представляли гуманистически ориентированную часть российской интеллигенции с ее вечными идеалами добра, терпимости, ненасилия и желания «понять и помочь». Традиционалисты были ориентированы на прошлое, в том смысле, что они высоко ценили культуру XIX столетия с его идеалами служения людям, просвещения и защиты природы. Ядро группы составляли учителя, преподаватели, писатели, журналисты, ученые. Большинство традиционалистов были привержены пасторалистским ценностям и находились в явной оппозиции к идеологии форсированной индустриализации и урбанизации, осуществлявшейся в СССР. Они были сторонниками традиционного русского крестьянского уклада жизни. Наконец, они выступали как против русификации, так и вестернизации образа жизни национальных меньшинств России. Хотя ценностные ориентации отдельных людей, входивших в эту группу, могли сильно различаться, их объединяла склонность к рефлексии и способность критически оценивать советский режим.

Внутри группы *гражданских инициатив* (civic initiatives) можно выделить четыре типа ценностных ориентаций. Ядром первого типа была моральная ответственность за состояние природы («Если не мы, то кто же?»). Центром второго – независимость в смысле возможности самим организовывать свою средоохранную деятельность. Третья группа ценностей включала самореализацию и общение с единомышленниками, поиск смысла жизни и желание быть понятым, приносить пользу и найти поддержку среди равных. Ценности четвертого акцентировали сохранение безопасной и чистой непосредственной среды обитания для своих ближних. Вместе взятые, все эти ценности помогали членам инициатив обеспечить чувство социальной защищенности, эмоционального комфорта и взаимной поддержки между отдельными группами активистов.

С самого начала *экополитики* были наиболее разнородной группой экологического движения. К этой группе можно причислить его патриархов, которые, хотя уже не будучи формально его членами продолжали иметь на него большое влияние; теоретиков-идеологов, которые распространяли уже хорошо разработанные идеологии

ческие доктрины среди различных групп движения; профессиональных экологов; лидеров многочисленных российских зеленых партий; бывших политиков (народных депутатов); действующих политиков, которые вышли из среды гражданских инициатив и сочетали роль профессиональных политиков с членством в какой-нибудь экоНПО. Экологов объединяла идея о том, что охрана окружающей среды должна быть приоритетом национальной повестки дня. В то же время, если для одних это было глубоко убеждением и делом всей жизни, то для других – всего лишь средством для быстрой политической карьеры.

Идеология *экопатриотов* в те годы отличалась левым радикализмом, приверженностью идее насильственной экологизации общества и явным сочувствием к социалистическим идеям. «Государственно-экологический патриотизм, жестко регулируемый рынок, ограничение частной собственности на крупные заводы и фабрики – главные загрязнители природы, экологически ориентированное социалистическое и частное хозяйство, социальная справедливость – таковы маяки Российской экологической державы» (Хабаров, 1994). Другие экопатриоты подчеркивали, что насильственная советская модернизация уничтожила уникальный природный ландшафт центральной части России. Третьи указывали на пагубность для природы политики вестернизации и американизации России (Лемешев, 1991; Смирнов, 1994).

Экотехнократы в начале 1990-х гг. составляли самую маленькую группу движения. Они верили в то, что решение всех экологических проблем заключается в переходе на экологически безопасные технологии. Строго говоря, они не являлись носителями технократической идеологии в общепринятом смысле слова. Я назвал их технократами потому, что им был присущ наивный технократизм, то есть безусловная вера в принятие обществом созданных ими технологических инноваций. В тот период экотехнократы были наименее политизированной группой движения.

**Изменения
контекста:
1992–2002 гг.**

Переход России к рынку в течение 1990-х гг. осуществлялся разрушительным в отношении только начавших формироваться проэкологических установок и ценностей образом. Либерализация и вестернизация – в той форме, в какой они реализовывались, – являлись идеологическим актом, сравнимым по существу с навязыванием модели «научного социализма» в тоталитарный период. Начиная с 1992 г. для миллионов россиян добывание средств к существованию стало более насущной проблемой, чем закрытие атомной электростанции или хозяйства, уничтожающего рыбу в реке.

Российское «переходное общество» сохраняло свою устойчивость за счет поддержания на плаву множества совершенно устаревших, исчерпавших себя и представляющих угрозу для состояния

природной и социальной среды производств. «Вначале стабилизация, затем экологизация» – этот политический принцип российского руководства вел к росту экологических рисков и угроз. Фактически реформы проводились за счет демодернизации и сверхэксплуатации природных и человеческих ресурсов и вынуждали общество к возврату к ценностям и социальному порядку феодального периода.

Бюрократическое государство в России оказалось довольно жизнестойким. Во многих отношениях, это государство все еще подерживает Парадигму человеческой исключительности (Catton and Dunlap, 1980; Dunlap, 1980) с ее императивом неограниченных возможностей человека эксплуатировать природу. В конечном счете, закрытое российское общество и его ресурсы были «открыты» миру, но открыты в интересах бюрократической элиты, национальной олигархии и транснациональных корпораций.

Демократический фасад разрушался на глазах. Заявленная демократия постепенно проявляла свое авторитарное лицо. Государство отвергало демократию с ее правами человека и свободами и формой социального порядка. Широко рекламируемая система организации самоуправления снизу вверх оставалась на бумаге. Общественность постепенно отстранялась государством от участия в решении самых насущных социальных проблем. Участие зеленых в обсуждении ключевых экологических проблем на национальном уровне, бывшее социальной и политической нормой десять лет назад, также прекратилось. Стало невозможным реализовать право местного населения на информацию о грядущих изменениях их непосредственной среды обитания, вызванных переходом к рыночной экономике и политическими реформами. Более того, либеральные реформаторы, вдохновляемые своими западными советниками и донорами, рассматривали природный и культурный ландшафт России как *tabula rasa* для своих экспериментов. В итоге, Россия была превращена в сырьевой придаток стран «золотого миллиарда». Добыча и продажа нефти, газа и других невозобновимых ресурсов стали национальными приоритетами, в то время как социальная и экологическая политика оказались на самых нижних строках национальной повестки дня. В общем, политическая система потеряла восприимчивость к требованиям населения в целом и зеленых в частности.

Хотя изменение ценностей российских зеленых явилось также результатом их внутренней динамики, которая в разных группах была различной, отмеченные выше изменения контекста оказали существенное влияние на всех. Прежде всего, контекст, в котором должны были действовать зеленые, изменился с дружественного на равнодушный или даже враждебный. Кроме того, в начале 1990-х этот контекст был в основном местным, иногда – региональным и очень редко – общенациональным, но во всех случаях он был определенным по масштабу и структуре. В то время зеленые четко знали, что

является их противником, а кто – оказывает поддержку и сочувствует. Сегодня социальный и политический контекст стал неопределенным, непредсказуемым и глобальным.

Российские зеленые начали свою публичную деятельность, когда общество было закрытым и жестко структурированным. Сейчас они вынуждены действовать в открытом, сложно структурированном, а в некоторых случаях – атомизированном, обществе. Сегодня представляется, что в опасности все живое – и природа, и люди.

В начале рассматриваемого десятилетия российские зеленые были среди лидеров российских реформаторов и пользовались, по крайней мере, их формальным признанием. В конце десятилетия зеленые оказались отчужденными от принятия экологически важных решений, политически маргинализированными и испытывающими все возрастающее давление со стороны властей (судебные процессы, прокурорские проверки, провоочки с регистрацией экоНПО, и т. п.). Это давление вынудило все группы стать более социально ориентированными, в том смысле, что они начали искать поддержку правозащитных групп и организаций. Кроме того, это означает, что процесс расширения структуры политических возможностей изменился их сокращением (Yanitsky, 1999).

Достаток ресурсов российских зеленых сменился ресурсным дефицитом. В начале 1990-х они опирались в своей деятельности на мобилизацию человеческих ресурсов (активисты, сторонники, сочувствующие). В настоящее время, в условиях враждебного контекста и «дикого рынка», их главной заботой стал поиск источников финансирования, «фандрайзинг».

Все вышеназванные факторы привели к растущему разрыву между зелеными, большинство которых в целом остаются приверженцами Новой экологической парадигмы, указывающей на необходимость подчинения человеческой активности законам природы (Dunlap, 1980), и остальным населением России, которое так или иначе продолжают придерживаться Парадигмы человеческой исключительности.

Изменения ценностей

На сегодняшний день консервационисты уже не являются ядром зеленого движения. Когда закончился период неформальной экологической политики, стало очевидно, что различные экологические группы, собравшиеся в такой большой зонтичной организации, как МСоЭС, имели разные цели. Но ключевым фактором для диверсификации группы консервационистов явился изменившийся способ мобилизации ресурсов: каждая команда группы начала искать ресурсы для себя. Внутригрупповая солидарность уступила место внутригрупповому соперничеству за ресурсы. В результате Движение ДОП и другие группы консервационистов трансформирова-

лись в слабо структурированную сеть эконоНПО. Идея зеленого братства умерла.

Биосциентизм и идея о неизбежности экологической катастрофы в их образе мыслей остались преобладающими. Как выразился один из лидеров консервационистов, «человечество продолжает вести себя как биологический вид. Движущими силами этого деструктивного поведения являются национальные ресурсодобывающие монополии и транснациональные корпорации».

Отношение консервационистов к государству двойственное. С одной стороны, они продолжают сотрудничать с государственными структурами в личном качестве (как советники, эксперты и даже служащие, например в Государственном комитете по охране окружающей среды). С другой стороны, в течение 1999–2002 гг. консервационисты постоянно обвиняли федеральные власти России в «деэкологизации экологической политики». По существу, консервационисты никогда не были склонны к радикальному действию. По целому ряду причин, таких как постоянный дефицит ресурсов, необходимость создания хорошо организованных офисов, а также сотрудничества с экспертами и другими профессионалами, участия в парламентских слушаниях и судебных процессах, эта группа становилась все более прагматически ориентированной.

Как и десять лет назад, консервационисты редко обращаются к местному населению напрямую, но мотивация подобного дистанцирования изменилась. Раньше идеология данной группы и ее чисто природоохранная практика никак не предполагали таких контактов («Мы профессионалы и, следовательно, знаем лучше»). Сегодня, как говорит лидер группы, «население доведено до нищеты и не имеет права голоса. Не население, а корпорации платят 90% налогов, обеспечивающих существование и стабильность государства. Таким образом, главными нашими противниками являются национальные и транснациональные монополии». Консервационисты чрезвычайно озабочены уменьшением биологического разнообразия экосистем (от локальных до континентальных), возлагая надежды лишь на помощь влиятельных международных доноров.

Будучи вовлечены в выполнение амбициозных международных природоохранных программ, российские консервационисты представляют себя как носителей современного экологического знания. В определенной степени эта позиция оправдана, принимая во внимание беспрецедентный развал российской академической и университетской экологической науки. Однако реально сегодня группы консервационистов представляют из себя не более чем островки экологической модернизации (поддерживаемые западными донорами) в контрмодернизационной социальной среде.

Поддержание идентичности группы также стало проблемой. В итоге, она раскололась на две основные подгруппы. Члены подгруппы, вовлеченной в деятельность природоохранных организаций ми-

рового масштаба, таких как Всемирный фонд дикой природы или Сеть спасения тайги, как правило, идентифицируют себя как ответственных профессионалов. Члены второй подгруппы, находящейся за пределами этих глобальных природоохранных сетей, идентифицируют себя как защитников конкретной локальной среды. Ментальность второй подгруппы во многом похожа на ментальность гражданских инициатив.

Альтернативисты до сих пор являются наиболее идеологически ориентированной группой российских зеленых. Альтернативисты убеждены, что сегодня на карту поставлена не Природа, а люди с их уникальной локальной культурой. Они не пасторалисты, не сциентисты и не утилитаристы. Они считают, что природу можно было бы защитить, если общество было бы социально структурировано как совокупности локальных самоподдерживающихся сообществ, использующих экологически безопасные технологии.

Альтернативисты остаются принципиальными противниками государства как политического института. Они считают, что наиболее эффективно многие экологические проблемы могут и должны быть решены на местном уровне. Они видят в местной демократии главную ценность, игнорируя «управляемую демократию» – идеологию, провозглашенную российскими политически ангажированными теоретиками и политической верхушкой.

Хотя российские альтернативисты присоединились к международному антиглобалистскому движению, они прилагают все усилия для того, чтобы сохранить свою идентичность как независимой социальной силы внутри российского зеленого движения. Они видят подтверждение этой идентичности в разделяемом ими неприятии государства как модели политического правления. Тем не менее, альтернативисты стремительно развивают свои контакты с движениями в защиту мира и коммунитаристскими движениями по всему земному шару, особенно в Центральной и Южной Америке. По мнению автора, российские альтернативисты пытаются выжить за счет своего превращения в часть «локалистского» крыла мирового антиглобалистского движения.

Отношение альтернативистов к местному населению также изменилось. Первоначально политический протест был ценностью сам по себе, поскольку рассматривался как средство борьбы против коммунистической идеологии и способ пропаганды идей эконоанархизма. Сегодня, как говорит их лидер, «мы должны помочь любому базовому (т. е. местному) движению сочетать протест и творческую активность». В то же время, он подчеркивает, что сеть альтернативных поселений не принадлежит никакой «территории», поскольку они представляют собой узлы (анклавы) международного альтернативного сообщества. Таким образом, в этих узлах могут проживать как местные жители или активисты анархистского движения, так и мигранты, бездомные или граждане других государств. Репрессии

против альтернативистов или их сторонников – вот единственный случай, когда группа реагируют незамедлительно, независимо от наличия в их распоряжении ресурсов, так как права человека являются для них базовой ценностью.

Альтернативисты позиционируют себя как «антисциентистов», поскольку в ее нынешнем состоянии наука является неотъемлемой частью существующего социального порядка. Они признают только прикладную науку и те достижения, которые могут привести к созданию экологически безопасных технологий для альтернативных поселений.

Традиционалисты также существенно изменились в своих приоритетах и ориентациях. Прежде всего, их интерес к прошлому угас, сменившись заботами о поддержании исчезающих форм традиционного природопользования малых и коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. К тому же, возродившееся в России краеведческое движение (Шмидт и др., 2004) занимается сохранением местных памятников истории и культуры гораздо более профессионально. Ассоциация малочисленных народов Севера и ей подобные также ведут борьбу за экологические права граждан этих территорий.

Появилось и нечто принципиально новое. Имеется в виду формирование группы российских глубинных экологов (*deep ecologists*), которая представляет из себя сеть профессионалов (в основном биологов), идеологическим ядром и институциональной структурой которой выступает «Гуманитарный экологический журнал». «Дикая природа прежде всего» – вот лозунг группы и ядро ее идентичности. Российские глубинные экологи считают, что дикая природа имеет божественное происхождение. Поскольку она священна, ее охрана имеет первостепенное значение. То есть дикая природа рассматривается как самоценность, для которой не требуется какого-либо внешнего обоснования (Борейко, 1999).

В проекте манифеста группы, имеющего целью провозглашение Конфедерации дикой природы стран СНГ, то есть сети общественных и научных организаций, заинтересованных в сохранении участков дикой природы, утверждается, что: (1) идеология охраны природы, основанная на принципе рационального использования природных ресурсов, устарела; (2) новая философия охраны природы должна быть основана на принципах глубинной экологии, то есть признании того, что дикая природа имеет право на существование, свободу, жизненное пространство, достоинство.

Таким образом, основными целями нового движения за освобождение дикой природы является следующее: продвижение идеи дикой природы как высшей ценности; борьба против антропоцентризма; пропаганда снижения численности населения Земли и потребления; осуществление вышеуказанного права дикой природы на существование и свободу; пробуждение среди населения с

помощью средств массовой информации любви к природе (Борейко, 2002: 3–5).

В политическом отношении эта группа колеблется между различными силами. С одной стороны, глубинные экологи являются государственниками, поскольку нуждаются в «сильной руке» для своей культивации любви к природе. С другой, они возлагают надежды на местные религиозные сообщества. В деятельности данной группы можно увидеть упорное желание Церкви (православной, но и не только) вернуть под свой контроль как можно больше сфер общественной активности, которые когда-то были ею утрачены.

Российские глубинные экологи занимают негативную позицию в отношении рыночной экономики и либеральной идеологии как таковой. Они также являются противниками экологического сциентизма – идеи рационального использования природы. Как считает один из идеологов группы, «защита права дикой природы на полную свободу и существование имеет мало общего с экологической наукой; скорее, наша деятельность связана с правозащитным движением». Утверждая, что дикая природа является творением Бога и поэтому человек не имеет право что-либо изменять в ней, глубинные экологи признают, что их рассуждения носят теологический и, следовательно, ненаучный характер.

Что касается отношения группы к местному населению, то оно является откровенно патерналистским с сильным императивным и дидактическим обертоном: «Мы должны научить людей любить природу».

Гражданские инициативы также сменили свою социальную базу и ценностное ядро. Исчерпав к настоящему времени свой потенциал самоуправления и потеряв свою веру в «демократов», гражданские инициативы не являются более составной частью зеленого движения. В последнее время группа состояла в основном из бедного и маргинализованного местного населения, относящегося к группам риска в современной России. По подсчетам автора, в современной России существует более 50 типов социальных групп, которые идентифицируют себя как группы риска. Это беженцы и вынужденные переселенцы, наркоманы, инвалиды и бездомные, а также носители афганского, карабахского, чеченского и т. п. синдромов, молодые женщины, ищущие работу за границей, жертвы криминала и национальных конфликтов, и т. д. В целом они составляют почти четверть населения России (Яницкий, 2003, с. 91–92).

Главное изменение, которое произошло в ценностях данной группы – это переход от обеспокоенности за непосредственную среду обитания к защите основных человеческих прав и свобод. Доминирующий взгляд на мир представителей этой группы заключается в том, что мир враждебен и опасен, и они должны защищать себя, своих родственников и друзей – здесь и сейчас. Лозунг данной группы может быть представлен как «Самое главное – наши дети!», что оз-

начает переход от защиты среды обитания к спасению людей. Иными словами, распространение этих групп является проявлением инстинкта самосохранения. Данную группу можно назвать сообществом риск-солидарности, поскольку она борется с такими всеохватывающими рисками, как наркомания, насилие и убийства.

Отношение группы к государству двойственное. С одной стороны, члены группы постоянно взывают к исполнительной власти, в том числе к местной администрации, чтобы уменьшить риски и обеспечить удовлетворение их самых насущных потребностей. Более того, лидеры группы сделали многое для того, чтобы представители государственных органов воспринимали их как равноправных партнеров. Но государство, «перехватывая» лозунги гражданских инициатив, в действительности не допускает их до участия в политике (фаза «декларативного признания, но практического отторжения» по В.Гэмсону, Gamson, 1990, 1992). С другой стороны, данная группа является самым резким критиком государственной экологической политики. Я бы сказал, что сегодня гражданские инициативы являются политическими оппортунистами, поскольку они взывают о помощи к любой политической силе, обладающей если не властью, то публичным влиянием. Поэтому в частности, данная группа все больше склоняется к сотрудничеству с правозащитным движением.

Вполне естественно, что члены группы идентифицируют себя с доведенным до бедности и отчужденным большинством населения России: «они жертвы, как и мы». В то же время, они считают себя все же активной и творческой частью вышеуказанной страты, способной на сопротивление и протест. Более того, сопротивление и протест являются способом существования этой группы.

Отношение гражданских инициатив к науке также двойственное. У представителей группы ярко выраженное позитивное отношение к независимым экспертам и особенно к так называемой адвокативной, то есть непосредственно оказывающей практическую помощь зеленым и местному населению, науке. Лидеры инициатив не доверяют официальной науке, потому что, по их мнению, она «полностью политически ангажирована». Выявить какого-либо определенного отношения группы к церкви и различным религиозным организациям не удалось. Главный критерий, как отмечали респонденты: «кто помогает нам выжить, а кто – нет».

В группе экополитиков ситуация также изменилась очень сильно. В конце 1980-х гг. экологические инициативы и движения были первой формой политического протеста в СССР. В течение последующих пяти лет все российские зеленые, за исключением эконархистов, активно участвовали в процессе формирования российской экологической политики. В настоящее время российские зеленые, как уже было отмечено, политически маргинализированы. Таким образом, политиками я называю только тех зеленых, которые зани-

маются экологической политикой профессионально и публично позиционируют себя как политиков. Среди них можно выделить пять подгрупп.

Истинные экополитики являются самой влиятельной подгруппой, вокруг которой концентрируются многие другие группы зеленых. Эта подгруппа институционализована в виде Центра экологической политики России. Ее лидером является профессор Алексей Яблоков, признанный на международном уровне экополитик. Ядро группы составляют биологи и другие ученые, которые в течение 1990-х гг. стали профессиональными политиками и основателями многочисленных экоНПО. Эта группа публичных экополитиков приложила немало усилий к тому, чтобы развитие экологического движения в России пошло по американской (горизонтальная сеть экоНПО), а не по европейской (создание сильных зеленых партий) модели.

Во взглядах на мир этой подгруппы доминирует оппортунизм (политический прагматизм), который на практике осуществляется посредством тактики «сопровождения» или «мониторинга», то есть наблюдения за подготовкой экологических законопроектов и последующим выполнением законов. Согласно существующей шкале политической восприимчивости (Burstein at al., 1995), это – один из самых низких уровней участия в осуществлении политики. Конечной целью подгруппы является «укрепление научно обоснованной экологической политики правительства России». Отношение подгруппы к местному населению инструментальное, если не сказать утилитарное: «мы мобилизуем их, если будет нужно». Однако эта декларация противоречит фактам. В 2000 г. лидеры группы совместно с другими экоНПО попытались организовать сбор подписей за проведение всероссийского референдума против решения Государственной Думы, разрешающего ввоз и хранение в России ядерных отходов. Кампания потерпела неудачу, так как было собрано 1,8 миллиона подписей вместо требуемых, в соответствии с российской Конституцией, 2,5 миллиона. Очевидно, что организаторы кампании могли бы собрать гораздо больше, чем 2,5 миллиона подписей, если бы сумели использовать поддержку местных гражданских инициатив.

Вторую подгруппу уместно назвать политическими спекулянтами или экстра-утилитаристами. На протяжении 1990-х гг., когда Запад финансировал деятельность российских зеленых, эти псевдо-экополитики быстро возникали по всей стране. Большая часть создаваемых ими организаций создавалась с единственной целью – получить финансовые средства от западных доноров. Соответственно, отношение подгруппы к государству, бизнесу, церкви и местному населению было также сугубо утилитарным: экстра-утилитаристы лишь симулировали проэкологическую активность в целях личного обогащения.

Члены третьей подгруппы являются радикальными государственниками («державниками»). Их порождающей средой и очагами выступают националистически ориентированная пресса. По существу, эта группа авторитарно ориентированна, поскольку ее члены высоко ценят достижения Российской (царской) и Советской империй. По отношению к рыночной экономике они настроены негативно, в то время как по отношению к церкви и местному населению – в целом позитивно. «Державники» позиционировали себя как защитников российского национального государства.

Члены четвертой группы, которых можно назвать коммунитаристами, представляют из себя умеренных красно-зеленых экопатриотов. Они считают, что российское государство должно состоять из совокупности местных сообществ, основанных на принципах справедливости и социалистического распределения товаров и услуг. Характерно, что эта подгруппа возникла в 1970-х гг. как одно из подразделений Дружины охраны природы в Химико-технологическом университете Казани, столицы Татарстана. Сергей Мухачев, лидер данной подгруппы, организовал (еще в те времена!) постоянный семинар, посвященный решению глобальных экологических проблем на базе принципов коммунитаризма. Сегодня лозунг подгруппы – «Коммунизм без коммунистов».

Наконец, возникла группа разработчиков или политических практиков (инженеров). Ее лозунг: «Главное – это хорошо выполненный проект», поскольку члены этой подгруппы понимают экологическую политику как нескончаемую череду отдельных «проектов», которые в совокупности и представляют собой иную, «неполитическую политику» (У.Бек). Данная подгруппа разнородна по составу – в зависимости от целей конкретного проекта она может состоять из биологов, химиков и различных технических специалистов. Часто члены группы являются работниками консультативных организаций, разрабатывающих методы оценки воздействия на окружающую среду или технические средства защиты среды обитания, например технологии для очистки сточных вод и промышленных отходов.

Эта подгруппа не имеет ни явно выраженной идеологии, ни собственного доминирующего взгляда на мир. В какой-то степени их тоже можно считать адептами «политики малых дел» или политическими оппортунистами, но только «скрытыми» – они редко высказываются публично. Тем не менее, у этой группы много общего с технократами: для тех и других характерно негативное отношение к государству и позитивное отношение к рыночной экономике и прикладной науке (разработкам).

Появление данной подгруппы обозначило важные изменения в ментальности и мотивации значительной части российских зеленых, характеризующиеся их возвращением к своей прошлой профессиональной деятельности (т. е. в качестве биологов, географов, токси-

кологов и т. д.). Единственное отличие заключается в их новом месте в институциональной структуре общества. Если в советское время они были служащими в государственных учреждениях, то теперь они стали разработчиками и экспертами в некоммерческих организациях и частных фирмах.

Наконец, о динамике группы экотехнократов. Можно выделить две подгруппы. Первую можно назвать псевдо-технократами, потому что они добавляют приставку «эко» к названию любого вида коммерческой или публичной деятельности, если это приносит доход или социальный капитал. Вторая подгруппа – настоящие технократы. В эту группу входят полупрофессиональные вестернизированные представители интеллигенции, работающие в многочисленных экоНПО или, реже, занятые в малом интеллектуальном бизнесе (консультирование, аудит, разработки).

Доминирующий взгляд на мир данной группы предполагает, что окружающим миром можно и нужно управлять. Они верят, что экотехнологии и экологический менеджмент спасут человечество. Они так высоко ставят управленческие технологии, что практически отождествляют экологическую политику и экологический менеджмент. Лозунг группы: «Эффективный менеджмент прежде всего».

Группа экотехнократов быстро растет в условиях спонсирования со стороны родственных ей и правительственных организаций из индустриально развитых стран Западной и Северной Европы (см., например, Mol, 1995; Mol and Sonnefeld, 2000; Аксенова, 2002). Деятельность группы представляет собой попытку внедрить развитые технологии экологического менеджмента в условиях отсталой и обнищавшей России. Как представляется, подобных экотехнократов можно считать «необольшевиками», так как они пытаются осуществить прямой переход от демодернизирующейся России, в которой к тому же этап простой модернизации так и не был завершен, к миру высокой модернизации, характерной для этих стран.

Экотехнократы занимают прагматическую, если не сказать утилитарную, позицию по отношению к государству. В течение 1990-х гг. они позиционировали себя как либералы, поддерживая «позеленевший» рынок, правда, в специфической форме. Экотехнократы являются поборниками не экологически чистого производства, а развития сферы экологических услуг для частного сектора (например, экоаудит, экологическая экспертиза, выработка экологических стандартов для отдельных производств). В то же время, они выступают за укрепление государственных природоохранных институтов.

Отношение экотехнократов к местному населению также прагматично. Как правило, технократы держатся на расстоянии от рядовых граждан, потому что считают их отсталыми, склонными к эмоциональным действиям и неспособными думать и действовать рационально. В этом отношении экотехнократы представляют из себя

противоположность гражданским инициативам. Тем не менее, как сказал один из лидеров группы, «протестный потенциал людей на местах всюду так велик, что мы можем мобилизовать их в случае необходимости в любое время и в любом месте».

Вовлеченные в амбициозные международные проекты, российские экотехнократы, как и консервационисты, претендуют на роль создателей передового (и прикладного) научного знания и игнорируют «адвокативную науку» в любой ее форме. Слепая вера в неограниченные возможности экологического менеджмента является одним из современных проявлений технократизма.

* * *

С начала 1990-х гг. российские зеленые при финансовой поддержке западных доноров и советников постепенно оказались вовлечены в сложное переплетение региональных и глобальных сетей неправительственных экологических организаций Запада и Востока. Этот процесс привел к демобилизации и дезинтеграции российского экологического движения, его превращению в ряд эконоПЮ, замкнутых на выполнение отдельных краткосрочных проектов. Это изменение в значительной мере усилило реформистский характер почти всех групп. В настоящее время их лидеры, за исключением альтернативистов, проявляют очень мало интереса к протестным действиям и гораздо больше озабочены поиском ресурсов для выполнения проектов в соответствии с международными экологическими и организационными стандартами.

За прошедшее десятилетие все группы были политически маргинализированы и практически лишены доступа к публичной арене. И все же, несмотря на распад СССР, давление рынка и отсутствие поддержки со стороны властей, российские зеленые оказались способны сохранить свое ценностное и идеологическое разнообразие. До некоторой степени все группы стали проявлять меньше инициативы и в большей мере реагировать на быстро изменяющийся социальный и политический контекст. Во всех группах произошел сдвиг в сторону самосохранения и выживания. В то же время, эти сдвиги вынуждают зеленых тесно сотрудничать с правозащитными организациями и движениями на национальном и международном уровнях.

В этой отчужденной политической среде современной России зеленые проявляют тенденцию к идентификации с родственными международными организациями и сетями и в гораздо меньшей степени – с Россией как государством или, за исключением гражданских инициатив, с каким-нибудь определенным локальным сообществом, политической партией или общественным движением.

Поведение всех групп, даже таких, как глубинные экологи и экопатриоты, стало более рациональным и прагматичным. Чтобы приспособиться к отчужденной политической и социальной среде,

все группы вынуждены позиционировать себя как «ответственных и уважаемых», способных удовлетворить противоречивым требованиям государства и бизнеса. Сегодня российские экоактивисты, за исключением группы гражданских инициатив, – это в основном профессионалы, занятые в различных НПО, значительную долю времени которых занимает организационная, посредническая и экспедиционная работа, и в гораздо меньшей мере – это добровольцы, волонтеры. В итоге, изначальный общественный характер российского экологического движения постепенно замещается профессиональным менеджизмом. Поэтому опасность того, что российские зеленые утратят свою роль экологического авангарда российского общества, представляется весьма реальной.

Список литературы

- Аксенова О.В.* Возникновение экомодернизационных тенденций в России в 1990-е годы // Россия реформирующаяся // Под ред. Л.М.Дробизевой. М., 2002.
- Забелин С.* Если течение против Разума, или Что же все-таки делать зеленым? // Спасение. 1994. № 2 (103). С. 2.
- Борейко В.Е.* Прорыв в экологическую этику. Киев: Киевский эколого-культурный центр, 1999.
- Борейко В.Е.* Когда мы отступаем, природа гибнет // Гуманитарный экологический журнал. 2002. Т. 4. № 2.
- Залыгин С.П.* Поворот. М., 1987.
- Ларин В., Мнацаканян Р., Честин И., Шварц Е.* Охрана природы в России: от Горбачева до Путина. М., 2003.
- Лемешев М.Я.* Пока не поздно... Размышления эколога-экономиста. М., 1991.
- Смирнов И.Н.,* отв. ред. Очнись, Россия и восстань! (Экологическая война против России). М., 1994.
- Фомичев С.Р.* Разноцветные зеленые. Стратегия и действие. М. – Н.Новгород, 1997.
- Фомичев С.Р.* Акция: от замысла до поведения итогов // И. Халий, отв. ред. Акция экологического движения. Руководство к действию. М., 1996. С. 53–56.
- Хабаров, О.* Экологическая диктатура // Завтра. 1994. № 3(8). С. 5.
- Шмидт С.О.,* отв. ред. Краеведение в России: История. Современное состояние. Перспективы развития. М., 2004.
- Яницкий О.Н.* Экологическое движение в России. Критический анализ. М., 1996.
- Яницкий О.Н.* Социология риска. М., 2003.
- Beck U.* Risk Society. Toward a New Modernity. London, 1992.
- Burstein P., Einwohner R.L. and Hollander J.A.* «The Success of Political Movements: A Bargaining Perspective», in Jenkins J. C. and

Klandermans B., (eds.) *The Politics of Social Protest*, Minneapolis, 1995. P. 275–291.

Catton W.R. Jr. and Dunlap R.E. «A New Ecological Paradigm for Post-Exuberant Sociology», *American Behavioral Scientist*, 1980. Vol. 24. № 1. P. 15–47.

Dickens P. *Society and Nature. Towards a Green Social Theory*. N.Y., 1992.

Dunlap R. «Paradigmatic Change in Social Sciences», *American Behavioral Scientist*, 1980. 24(1). P. 5–14.

Douglas M. and Wildavsky A. *Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers*. Berkeley, 1982.

Dunlap R.E. and Mertig A.G. (eds.) *American Environmentalism. The U.S. Environmental Movement, 1970–1990*, Philadelphia, 1992.

Gamson W. *The Strategy of Social Protest (Second Edition)*, Belmont, CA, 1990.

«The Social Psychology of Collective Action», in Morris A.D. and Mueller C. M. (eds.) *Frontiers in Social Movement Theory*, New Haven, 1992. P. 53–76.

Klandermans B. «The Social Construction of Protest and Multi-organizational Fields», in Morris A.D. and Mueller C.M. (eds.) *Frontiers in Social Movement Theory*, New Haven, 1992. P. 77–103.

Kriesi H. «The Political Opportunity Structure of New Social Movements: Its Impact on Their Mobilization», in Jenkins J.C. and Klandermans B. (eds.) *The Politics of Social Protest. Comparative Perspectives on States and Social Movements*, Minneapolis, 1993. P. 167–198.

Mol A.P.J. *The Refinement of Production. Ecological Modernization Theory and the Chemical Industry*, Utrecht, 1995.

Mol A.P.J. and Sonnenfeld D. *Ecological Modernization around the World. Perspectives and Critical Debates*, London., 2000.

Touraine A., Dubet F., Hegedus Z., Maheu L., Wiewiorka M. *La Methode de L'Intervention Sociologique*, Paris, 1983.

Weiner D. *Models of Nature: Ecology, Conservation, and Cultural Revolution in Soviet Russia*, Bloomington, 1988.

A Little Corner of Freedom. Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev. Berkeley, 1999.

Yanitsky O. *Russian Environmentalism: Leading Figures, Facts, Opinions*. Moscow, 1993.

«The Ecological Movement in Post-Totalitarian Russia: Some Conceptual Issues», *Society and Natural Resources*, 1996. 9. P. 65–76.

«The Environmental Movement in a Hostile Context. The Case of Russia», *International Sociology*, 1999. 14(2). P. 157–172.